

DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.056

УДК 94(100)“1914/19” + 930(44)“1914/19” +
+ 930(470)“1914/19” + 327(44:470)

Ю. М. Галкина

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ*

Статья посвящена проблеме освещения в отечественной историографии и использования в коммеморативных практиках сюжетов, связанных с франко-русским взаимодействием в годы Первой мировой войны и революции. Автор полагает, что комплексная разработка темы франко-русского сотрудничества в 1914–1918 гг. отвечает как актуальной общественной повестке, так и современным историографическим трендам, ориентированным на преодоление «забвения Первой мировой» и тенденциозных концепций советских исследователей в этой области. Сотрудничество двух стран в годы Первой мировой войны богато примерами продуктивного взаимодействия, способными стать органичной частью отечественной политики памяти. В частности, таким примером может служить деятельность французской военной миссии в России, ее локальных служб — артиллерийской, транспортной, авиационной. С другой стороны, всестороннее изучение деятельности французской военной миссии позволит обогатить представления об экономическом, социальном и политическом состоянии поздней Российской империи, а также прояснить некоторые сюжеты, связанные с деятельностью большевиков в России. Автор поднимает проблему роли профессионального сообщества в противостоянии мифологии властных режимов и поддержании условий для глубокого изучения прошлого. В реконструкции деятельности французских служб в 1914–1918 гг. используются документы Исторической службы Министерства обороны Франции; общественно-политическая ситуация вокруг репрезентации франко-русского сотрудничества в годы мировой войны анализируется через публичные выступления политиков и общественных деятелей, через обращение к историографическому наследию. Методологический подход базируется на концепции изучения мемориальной культуры и исторической политики А. Ассман, рассмотрении историографии как особой формы исторической памяти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: франко-русские отношения; французская военная миссия; историческая политика; Первая мировая война.

Ц и т и р о в а н и е: Галкина Ю. М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. в отечественной политике памяти // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 211–220.

Поступила в редакцию 20.06.2018

Принята к печати 09.07.2018

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

© Галкина Ю. М., 2018

Yulia M. Galkina*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

THE FRENCH MILITARY MISSION IN RUSSIA DURING WORLD WAR I AND THE 1917 REVOLUTION IN THE RUSSIAN POLITICS OF MEMORY

This article considers the issue of commemoration of the French-Russian interaction during World War I and the Revolution and its description in Russian historiography. The author supposes that the study of issues of the French-Russian cooperation between 1914 and 1918 corresponds to the current public agenda and contemporary tendencies in historiography. These tendencies strive to overcome the “oblivion of World War I” and the ideological concepts of Soviet researchers in this field. At the same time, the cooperation between the two countries during World War I provides valuable examples of effective interaction that may become an integral part of the Russian politics of memory. More particularly, it means the activity of the French military mission in Russia and its local services, i.e. artillery, transport, and aviation missions. On the other hand, a comprehensive analysis of the activities of the French military mission could enrich the existing knowledge of the economic, social, and political conditions of the late Russian Empire and clarify certain subjects related to the activities of Bolsheviks in Russia. The author raises a question regarding the role of the professional community in opposing the mythology of public authorities and maintaining the conditions for a thorough exploration of the past. In order to reconstruct the activities of the French services between 1914 and 1918, the author refers to documents of the Historical Service of the French Ministry of Defence and public speeches of Russian politicians and public figures; additionally, the author considers historiography as a source representing “professional memory”. The methodology of the research is based on the concepts of memorial culture and historical politics of A. Assmann, which considers historiography a special form of historical memory.

Key words: French-Russian relations; French military mission; historical politics; World War I.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation*, Grant 18-18-00053 “Politics of Memory vs. Historical Memory: Napoleonic Wars and World War I Anniversaries”.

Citation: Galkina, Yu. M. (2018). Frantsuzskaia voennaia missiia v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny i revoliutsii 1917 g. v otechestvennoi politike pamiati [The French Military Mission in Russia during World War I and the 1917 Revolution in the Russian Politics of Memory]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 3 (178), 211–220.

Submitted on 20 June, 2018

Accepted on 09 July, 2018

В 1990-е гг. в России было модно говорить о Первой мировой войне как о «забытой» [Пахалюк, 2017б]: во многом подобная постановка вопроса стала возможной благодаря советской политике памяти и ее специфическому историографическому наследию, в котором революция и Гражданская война выступали более значимыми событиями первой половины XX в., нежели «война империалистов». В результате позитивный опыт взаимодействия России и стран Антанты был практически предан забвению, исключен из поля зрения профессиональных историков и коллективной памяти¹ советских граждан. Этому способствовал тот факт, что деятельность военных, дипломатов и других представителей стран Согласия, в частности, Франции, была вписана в контекст интервенции и истории антисоветского подполья, будучи представленной ограниченным набором проблематик, сюжетов и имен.

Как правило, в центре внимания исследователей находились сюжеты, связанные с антисоветской активностью организации Савинкова, чехословацкого армейского корпуса, генерала Корнилова, белых армий². Советская профессионально-историческая и более доступная и понятная обывателю художественная традиция гармонично дополняли друг друга. Достаточно вспомнить популярные в советское время кинофильмы «Вихри враждебные» (1953) или «Заговор послов» (1965), которые фактически экранизировали бытовавшие в то время профессиональные исторические реконструкции. Французы оказались практически исключены из исторической памяти советских и российских граждан, хотя французская миссия была наиболее значительным по численности и влиянию представителем Антанты на территории России. К декабрю 1917 г. миссия насчитывала 1 250 военнослужащих, а также медицинских работников [АМАЕ, SG, Dossier 758].

Между тем, Франция для России являлась не просто главным союзником в мировой войне: альянс республики и «реакционной» монархии стал основой сотрудничества, растянувшегося почти на тридцать лет. Поэтому неудивительно, что в рамках процессов, связанных с возрождением памяти о Первой мировой войне в 1990–2000-е гг., деятельность французской военной миссии в России вызывает все больший интерес среди историков [Данилова, Краева; Павлов; Бодров].

Тема имеет не только научную значимость — необходимость в ликвидации «белых пятен» отечественной историографии, посвященной вопросам межсоюзнического взаимодействия в годы Первой мировой войны, но и общественно-политическую. Сегодня, в результате смены вектора исторической

---

¹ Под коллективной памятью понимается социально разделяемое культурное знание о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью [Малинова, с. 8].

² Мы акцентируем внимание на историографической традиции как неотъемлемой части политики памяти и, опираясь на разработки немецкого историка Питера Райхеля, рассматриваем историографию в качестве инструментально когнитивного способа передачи памяти, наряду с иными мнемотическими способами ее трансляции [Олик, с. 54].

политики после краха СССР, идея развития отношений с Европой считается одной из важнейших. Очевидно, что подобное сотрудничество выстраивается не только на экономическом, политическом уровне, но также на культурном, опирается на значимые для обеих сторон образы исторического прошлого. Так, в фокусе современных коммеморативных практик Москвы и Парижа оказалась история Русского экспедиционного корпуса: с 2010 по 2016 гг. во Франции было установлено 4 памятника русским солдатам, сражавшимся во Франции [Пахалюк, 2017а]. В 2017 г., по инициативе французского историка и археолога Пьера Малиновского, совместно с российскими коллегами под Реймсом проводились раскопки, в ходе которых были найдены останки бойцов корпуса [Пьер Малиновский].

Представляется очевидным, что тема Экспедиционного корпуса эксплуатируется в рамках текущих франко-русских отношений потому, что все остальные аспекты сотрудничества России и Франции в Первую мировую войну не просто отсутствуют в пространстве коллективной памяти, но даже не разработаны на уровне комплексных научных исследований. В свою очередь, экономическая повестка находит свое отражение в выступлениях сопредседателя ассоциации «Франко-российский диалог», созданной в 2004 г. под патронажем В. Путина и Ж. Ширака в целях развития сотрудничества двух стран, В. Якунина (Париж, 2016 г.):

...экономические связи составляли важную основу двусторонних отношений. Еще в начале XX века Россия заимствовала во Франции капиталы и технологии. Париж стал главным кредитором русского правительства. Строительство русских железных дорог в значительной части финансировалось Банком Франции. Политика всегда была двигателем экономических связей между Россией и Францией [За политической конъюнктурой...].

Целесообразно подчеркнуть важность разработки темы деятельности французской военной миссии в России с точки зрения общественной значимости. В 1990-е гг. особую популярность приобрела точка зрения, что Российская империя в последние годы своего существования являлась социально и экономически процветающим государством, и произошедшая в 1917 г. революция погубила ее выдающийся экономический потенциал. Несмотря на то, что в последнее время многие западные и отечественные исследователи убедительно опровергали это заключение [см., например: Поликарпов], некоторые сочувствующие монархической идее историки [см., например: Мультиатули] и политики (например, В. Жириновский и Н. Поклонская), стараются сделать образ процветающей николаевской России неотъемлемой частью коллективной памяти россиян, транслируя сомнительные с точки зрения исторической науки умозаключения. Между тем, аргументом в дискуссии о социально-экономическом состоянии Российской империи начала XX в. могла бы стать деятельность французской военной миссии в России, свидетельствовавшая о системном кризисе государства в этот период.

В январе 1915 г. для решения общей для всех союзников проблемы — преодоления снарядного голода — в Петроград прибыла артиллерийская служба майора Пио [Игнатьев, с. 112–113]. Поскольку Франция не имела возможности отправить на русский фронт всё требуемое союзником вооружение, руководство Третьей республики избрало компромиссный вариант. В Россию были направлены специалисты-химики и артиллеристы для трансляции тех технологических решений, которые предпринимала сама Франция для преодоления снарядного кризиса. Несмотря на успешную деятельность артиллерийской миссии — поступление многочисленных заказов, крупнейший из которых составлял 11 770 тыс. выстрелов³, расширение производства взрывчатых веществ и производственных мощностей [SHD/T, 7 N 1547], можно констатировать, что состояние даже такого традиционного для России производства, как снарядное, оставляло желать лучшего. Так, например, одной из главных проблем стало изготовление дистанционных трубок (взрывателей): русская промышленность даже с помощью французов не могла освоить их производство в нужном количестве. Значительная часть произведенных в России снарядов французского образца комплектовалась привезенными из Франции дистанционными трубками вплоть до конца войны.

Сборка снарядов нередко организовывалась с нуля и требовала от миссии административных талантов. Поскольку «управление артиллерии не может делать этого в своих цехах» [Ibid.], французам приходилось прибегать к реквизициям неэффективных заводов, с чистого листа конструировать новые производственные мощности, налаживать оборудование, обучать персонал. При этом инженеры миссии снаряжали не только снаряды «своих» заводов, но также помогали в этом «путиловцам», Комитету военных промышленников и другим организациям. Производство снарядов осложнялось состоянием металлургической отрасли: офицер связи, майор Жак Ланглуа рапортовал, что к концу 1916 г. производство снарядов могло бы достигнуть 1 млн в месяц, но в реальности было выпущено 700 тысяч трехдюймовых снарядов ввиду нехватки металла на крупный калибр [Ibid.]. Примечательно, что французы оценивали свои успехи весьма серьезно: подсчеты Ланглуа демонстрировали, что в 1916 г. порядка 80 % всех произведенных в России снарядов поставлялись миссией Пио [Ibid.]. Важно подчеркнуть, что деятельность службы Пио являлась стратегически важной для русского фронта. Россия, учитывая ее технологическую отсталость в военной отрасли, благодаря французской помощи хоть и не стала передовой промышленной державой, но получила возможность продолжать войну. Несмотря на свой вклад, миссия Пио практически забыта и упоминается лишь в непрофессиональных публикациях консервативно-охранительного

---

³ Артиллерийский выстрел — комплект элементов артиллерийских боеприпасов для одного выстрела: снаряд (мина) с взрывателем (трубкой), пороховой заряд в гильзе или картеже (мешке), средство воспламенения заряда и вспомогательные элементы (флегматизаторы, размеднители, пламегасители, обтюратеры, пыжи и др.).

толка, а преодоление снарядного кризиса в России целиком приписывается инициативности директора Брянского арсенала генерала Ванкова [Артемьев]. Пожалуй, единственным исключением являются работы историка А. В. Бодрова, занимающегося темой военно-технического сотрудничества России и союзников [Бодров].

Состояние более наукоемких отраслей промышленности, например, производства авиадвигателей, полностью легло на плечи Третьей республики: персонал некоторых заводов комплектовался исключительно из французов [Дузь, с. 75], сборка моторов требовала регулярных поставок многочисленных деталей из Франции. Тем не менее, русской авиационной промышленности к ноябрю 1916 г. не удалось выполнить программу по снабжению фронта самолетами даже на треть [Поликарпов, с. 264].

Кратко упомянем, что стратегическое значение для русского фронта имели и другие миссии французов, например, транспортная миссия дю Кастеля⁴. К ее заслугам можно отнести преодоление в 1916–1917 гг. кризиса железнодорожного сообщения между Северной и Центральной Россией, решение проблемы с завалами грузов в портах Севера [SHD/M, SS Eb 115]. Криптографическая миссия подполковника Анри Оливари занималась радиоразведкой и прослушиванием телефонных переговоров противника в полосе 5-й армии, а авиационная миссия капитана Берже — авиаразведкой и аэрофотосъемкой [Olivari].

Если дискуссия об экономическом развитии Российской империи требует от ее участников хотя бы минимальных знаний в области статистики, экономики, демографии и др., то не менее острая полемика — о значении и ходе российской революции 1917 г. — привлекает к себе людей с самым разным уровнем профессиональной квалификации, активно развивается на страницах форумов, социальных сетей. В данном случае хотелось бы заострить внимание на сюжетах о Ленине как «немецком агенте» и якобы целенаправленном трансфере немецких денег «для большевиков» в российские банки. Несмотря на очевидную для специалистов предвзятость этих утверждений, общественное мнение до сих пор подвержено их влиянию.

Упоминание В. И. Ленина в контексте исследуемого вопроса не случайно: французская военная миссия, препятствуя стремлению России выйти из войны и сопротивляясь распространению пораженческих идей в армии, имела прямое отношение к фабрикации фальшивых свидетельств, «доказывающих» осознанный сговор между В.И. Лениным и германскими элитами. Для выполнения этих задач были мобилизованы сотрудники французской миссии, офицеры службы разведки и руководство Третьей республики. Капитан Службы разведки Франции Пьер Лоран вспоминал: «С самого начала я должен был заниматься, прежде всего, большевистскими замыслами в России, соответствовавшими планам

---

⁴ На сегодняшний день узнать о нем можно разве что из художественного романа Валентина Пикуля «Из тупика», в котором, с присущим писателю художественным талантом, выразительно описан эпизод рутинной работы дю Кастеля.

немецкой службы пропаганды и разведки в этой стране» [Попова, с. 314]. В поиск «немецкого следа» был активно вовлечен министр вооружений Франции Альбер Тома, в середине июля 1917 г. он отдал указание военному атташе в Стокгольме Л. Тома «доказать в интересах Временного русского правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги» и дать возможность правительству Керенского арестовать и дискредитировать большевиков в глазах общественного мнения [Попова, с. 19–20]. Их дискредитация была тесно сопряжена с контролем французами пограничного пункта Торнео в Финляндии: в мае 1917 г. они скрупулезно отслеживали и составляли списки подозрительных лиц из числа эмигрантов, возвращавшихся в Россию [ГАРФ, ф. Р5802, оп. 2, д. 486, л. 1–11], передавая их русской контрразведке.

Развивая тему франко-русского сотрудничества в годы Первой мировой войны, следует учитывать, что французская колония в России не ограничивалась одной военной миссией. Помимо нее в России действовал дипломатический персонал, представители финансово-промышленных кругов, консульские и коммерческие агенты, интеллектуалы и журналисты. Сегодня эту тематику пытается актуализировать «Росбанк», участник международной финансовой группы Société Générale. Его корпоративная пресса, используя материалы, получаемые из Парижа, регулярно выпускает материалы о русских промышленниках, банкирах и франко-русском сотрудничестве первой половины XX в. Так, одним из героев их публикаций является член правления Русско-Азиатского банка, Морис Верстрат [Еремеева], в годы революции один из немногих представителей французской колонии, представивший оригинальный взгляд на необходимость взаимодействия с большевиками и эксплуатацию левой идеи против Германии [Verstraete]. Постоянно поддерживаемая историческая рубрика журнала позволяет не только актуализировать франко-русские деловые связи, но и создает нарратив собственной идентичности компании.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что деятельность французской военной миссии представляет интерес с точки зрения формирования корректной исторической политики, а также дальнейших профессиональных исследований. Миссия принимала участие в судьбоносных для исторического развития России процессах: от поддержания жизнеспособности союзника в годы мировой войны до активной борьбы с большевиками в годы Революции. При этом продуктивное сотрудничество Франции и России в рамках партнерства по коалиции оказалось забытым, а противостояние в 1917–1918 гг. представлено слабодетализированной, во многом мифологизированной картиной, составленной советскими историками. Мы убеждены, что как отсутствие комплексных исследований о франко-русском взаимодействии в годы мировой войны, так и рассмотренные в статье актуальные общественно-политические дискуссии, зачастую апеллирующие к псевдоисторическим построениям, происходят, во многом, из историографической инерции и пролонгированного действия на общественное сознание (и сознание части историков) некоторых стереотипов советской политики памяти. Целесообразно обратиться

к профессиональным возможностям исторического сообщества и активизировать комплексные исследования деятельности французской военной миссии в России в контексте событий Первой мировой войны на русском фронте и революции 1917 г.

Источники

Артемов М. Как в России в Первую мировую войну появился мощный ВПК [Электронный ресурс] // Forbes : [сайт]. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/istoriya/234333-kapitalisticheskaya-mobilizatsiya-kak-v-rossii-v-pervuyu-mirovuyu-voynu-roya> (дата обращения: 19.05.2018).

ГАРФ. Ф. Р5802. Оп. 2. Д. 486.

Еремеева С. Французский директор русских банков // Росбанк. 2011. № 2. С. 24–27.

За политической конъюнктурой скрывается фундаментальная общность народов России и Франции. Обращение сопresidenta Франко-российского диалога Владимира Якунина к участникам форума ФРД в Париже 6 декабря 2016 года [Электронный ресурс] // Ассоциация Франко-российский диалог : [сайт]. URL: <http://dialoguefrancorusse.com/ru/все-новости/общество/1869-message-iakounine-forum-2016.html> (дата обращения: 06.06.2018).

Пьер Малиновский: русский солдат погиб за свободу Франции [Электронный ресурс] / Д. Горохов // ТАСС : [сайт]. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4020694> (дата обращения: 19.05.2018)

АМАЕ. Serie “Guerre 14–18”. Dossier 758.

SHD/M. SS Eb 115.

SHD/T. 7 N 1547.

Исследования

Бодров А. В. Формирование военно-технического сотрудничества России и Франции в 1915 году // Великая война 1914–1918 : альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 3. М. : МБА : Квадрига, 2013. С. 42–48.

Данилова О. С., Краева Т. В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестн. Урал. отд-ния РАН. Наука, человек, общество. 2011. № 1 (35). С. 87–98.

Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 — октябрь 1917 г.). М. : Машиностроение, 1986.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М. : Правда, 1989.

Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–22.

Мультатули П. В. Император Николай II. Человек и монарх. М. : Вече, 2016.

Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социол. обозрение. 2012. № 1. С. 40–74.

Павлов А. Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны // Великая война 1914–1918 : альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 3. М. : МБА : Квадрига, 2013. С. 33–41.

Пахалюк К. А. Первая мировая война в контексте культурного измерения внешней политики современной России [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Сер. 2 : Политология. 2017а. № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29059668_90716226.htm (дата обращения: 20.05.2018).

Пахалюк К. А. Первая мировая война и память о ней в современной России [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2017б. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/1/pervaya-mirovaya-vojna-i-pamyat-o-nej-v-sovremennoj-rossii.html> (дата обращения: 20.05.2018).

Поликарпов В. Русская военно-промышленная политика 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М. : Центрполиграф, 2015.

Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М. : Ладомир, 2010.

Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie 1916. Paris : L'Harmattan, 2008.

Verstraete M. Mes cahiers Russes. Paris : Editions Georges Cres et compagnie, 1920.

References

Bodrov, A. V. (2013). Formirovanie voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Frantsii v 1915 godu [The Formation of the Military and Technical Cooperation between Russia and France in 1915]. *Velikaia voina 1914–1918*, 3, 42–48. (In Russian)

Danilova, O. S., & Kraeva, T. V. (2011). Frantsuzskaia voennaia missiia v Rossii (1916–1919) i vospominaniia ee sotrudnikov o prebyvanii na Urale [The French Military Mission in Russia (1916–1919) and the Recollections of Its Staff about their Stay in the Urals]. *Vestnik Uralskogo otdeleniia RAN. Nauka, chelovek, obshchestvo*, 1, 87–98. (In Russian)

Duz', P. D. (1986). *Istoriia vozdukhoplavaniia i aviatsii v Rossii (iul' 1914 – oktiabr' 1917 g.)* [The History of Aeronautics and Aviation in Russia (July 1914 – October 1917)]. Moscow: Mashinostroenie. (In Russian)

Ignatyev, A. A. (1989). *Piat' desiat let v stroiu* [Fifty Years in the Army] (Vol. 2). Moscow: Pravda. (In Russian)

Malinova, O. Yu. (2017). Kommemoratsiia istoricheskikh sobytii kak instrument simvolicheskoi politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [The Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Policy: The Opportunities of Comparative Analysis]. *Politiia*, 4, 6–22. (In Russian)

Multatuli, P. V. (2016). *Imperator Nikolai II. Chelovek i monarch* [Emperor Nicholas II. The Person and the Monarch]. Moscow: Veche. (In Russian)

Olick, D. (2012). Figuratsii pamiati: protsess-reliatsionnaia metodologiya, illiustriruemaia na primere Germanii [Figurations of Memory: Process-relational Methodology with Reference to Germany]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 1, 40–74. (In Russian)

Olivari, H. (2008). *Mission d'un cryptologue français en Russie 1916* [The French Cryptographic Mission in Russia in 1916]. Paris: L'Harmattan. (In French)

Pavlov, A. Yu. (2013). Frantsuzskie voennye missii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [French Military Missions in Russia during World War I]. *Velikaia voina 1914–1918*, 3, 33–41. (In Russian)

Pakhalyuk, K. A. (2017a). Pervaia mirovaia voina i pamiat' o nei v sovremennoi Rossii [World War I and the Memory about it in Contemporary Russia]. *Neprikosnovennyi zapas*, 1. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2017/1/pervaya-mirovaya-vojna-i-pamyat-o-nej-v-sovremennoj-rossii.html>. (In Russian)

Pakhalyuk, K. A. (2017b). Pervaia mirovaia voina v kontekste kul'turnogo izmereniia vneshnei politiki sovremennoi Rossii [World War I in the Context of the Cultural Dimension of Russian Foreign Policy]. *Vestnik Permskogo universiteta (Politologiya)*, 1. Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_29059668_90716226.htm. (In Russian)

Polikarpov, V. (2015). *Russkaia voenno-promyshlennaia politika 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy* [The Russian Military-industrial Policy 1914–1917. State Objectives and Private Interests]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian)

Popova, S. S. (2010). *Mezhdru dvumia perevorotami. Dokumental'nye svidetel'stva o sobytiakh leta 1917 goda v Petrograde (po frantsuzskim i rossiiskim arkhivnym istochnikam)* [Between Two Coups d'Etat. Documentary Evidence of the Situation in the Summer of 1917 in Petrograd (according to French and Russian Archival Sources)]. Moscow: Ladomir. (In Russian)

Verstraete, M. (1920). *Mes cahiers Russes* [My Russian Papers]. Paris: Editions Georges Cres et compagnie. (In French)

Галкина Юлия Михайловна

аспирант кафедры новой и новейшей истории

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: galkinskaya@gmail.com

Galkina, Yulia Mikhailovna

PhD Student

Department of Modern and Contemporary History

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia

Email: galkinskaya@gmail.com